

Берегиня слов и красоты

К юбилею Антонины Марковой – поэта, библиотекаря, учителя

|| Современники

Поэтессу, писательницу Антонину Юрьевну Маркову в Тюмени и за ее пределами знают многие. Особенно потому, что долгие годы она занималась с самыми юными литераторами в авторской студии «Верешок». Ее «выпускники» стали филологами, учителями русского языка и литературы, членами творческих союзов. Для них она написала во многом автобиографическую книгу «Томка» – рассказ о военном детстве маленькой девочки, где прообразом главной героини стала ее мама. За повесть автор получила в 2023 году премию им. П. Ершова. И сразу предупрежу читателей: несмотря на то, что все знают и любят Антонину Юрьевну за ее лучистую доброту, – это первое интервью в ее жизни, в чем она призналась сама. Все остальное вы узнаете из нашего разговора.

Детство, первые книги и четверостишия

– Антонина Юрьевна, вы с 12 лет начали писать стихи? Вспомните что-то раннее? Откуда такая тяга? Была ли в семье рабочих библиотек? И вообще – несколько слов о детстве...

– Стихи пришли ко мне неслучайно. Мама рассказывала, что я, как только научилась хорошо разговаривать, играла в слова и даже приставала ко всем, чтобы придумали слова к любимому плюшевому мишке или к найденному осеннему листочку. Кстати, я неплохо рисовала и всегда во время этого занятия придумывала истории для своих нарисованных героев. Сидела и сама себе эти истории рассказывала, дорисовывая соответствующий сюжет или нужных мне персонажей. Эта игра

плавню перетекла в необычную игру с рифмой. А еще сказали мамини усилия привлечь мое внимание к красоте: посмотри, – нередко говорила она, – какие удивительные облака плывут по небу, какие красивые цветы распустились на клумбе, какие чудесные узоры нарисовал мороз на стекле и т.д. Это умение увидеть красоту, мне кажется, тоже легло в основу моего творчества.

Первыми, конечно, были небольшие разгадываемые четверостишия, так:

*Шерстяную рукавичкой
Потирало уши, нос.
Ах, прокатил-мелочка –
Русский Дедушка Мороз.*

К сожалению, тетрадь с первыми стихами «ушла» к читателям – мне ее просто не вернули во время встречи с подростками, а я в ее сразу хватилась. Это была толстая тетрадь, в которой были не только стихи, но и стихотворные сказки, сценарии выступлений на школьных конкурсах «А ну-ка, девочки», оды и посвящения учителям.

Небольшая библиотека классики в нашем доме была, много детских ярких книг, выгляделось немало журналов и газет. Начавшись читать в 5 лет, я буквально «плотала» все написанное, а «Пионерскую правду» у меня частенько отбирали, чтобы не портила глаза мелким шрифтом.

Но самое большое собрание книг было у бабушки Антонины Брониславовны, учительницы младших классов (дочери польского политического эмигранта и простой сибирской крестьянки). Эти книги стояли в огромном застекленном шкафу и выдавались мне по очереди – соответственно возрасту, кроме художественных альбомов – их я могла брать самостоятельно и рассматривать без ограничений всю красоту русской и зарубежной живописи.

В доме часто звучали песни – мама хорошо пела, участвовала в самодеятельности, и я с малых лет включалась в это пение, зная многие русские народные и эстрадные песни тех лет. Любимой была (и до сих пор остается) «По Ангаре» (музыка А. Пахмутовой, слова Н. Добронравова). Река-то эта текла в 11 километрах от нашего поселка, туда ездили за грибами, а в старших классах по песне с ребятами на велосипедах – любоваться на огромные (никогда выше человеческого роста), вытолкнутые ледоходом на берег льдины, пронзанные солнцем так, что превращались в тонкие ледяные иглы – трюв, и они распались, издавая мелодичные звоны. Это не передать словами, это надо видеть и слышать! Вот только две строки, что помнятся из раннего: «На Ангаре ее льдины звенели, будто органичные нежные трели» (хотя, какие трели у органа? – улыбается – прим. ред.).

Слова мои

*Слова мои – страна песчаных дюн,
Горячих, зыбких, дышащих, сыпучих.
Они – заданье птицы Гамаюн,
А то – монеток золотые кучи.
То шельметов, стекая с высоты,
И открывают вдруг волю прибой.
А то с ладони на ладонь мосты
Из жемчужов и перламутра спрост.
Словам моим никак лаская нет,
За ветром струйкой тунится живую.
И вот уже рождается куплет,
Слетая явь и навь между собою.
Плывут бараны слов за окем,
Невысказанные, почти немые,
Крылатые в предчувствии своем,
Прямые, ветромосные, живые.*

Ступенька в большую литературу

– Творчество каких авторов повлияло на ваше собственное и кто из тюменских поэтов вам помогал?

– В детстве часто слышала выступления современных поэтов по радио – Евгения Епущенко, Роберта Рождественского, Андрея Дементьева. Но выделяла всегда один потрясающий голос и особенную манеру исполнения стихов у Беллы Ахмадулиной. Она повлияла на меня в первую очередь! А еще была любимая, почти настольная книга стихов «Приезжай на листопад!» уральской поэтессы Эмилии Бояришиной – стихи завораживали простотой и неподкупной искренностью, созвучной тогда моему зову сердца, в которое постукалась первая любовь.

Из тюменских писателей хочется назвать Константина Лагунова – это он убедил меня в том, что мои стихи – настоящая поэзия, буквально «подтолкнул», чтобы опубликовать стихи в газетах, а потом в 1999 году издать первую книгу «Застенчивый рассвет».

В своей статье «Жемчужина самцедата» (опубликована в газете «Тюменская правда», август 1998 года – прим. ред.) он написал: «Пожалуй, сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: перед нами талантливый поэт, поэт Богом данный. В заключение прошу областную писательскую организацию считать этот мой отклик на книгу стихов Антонины Марковой как мою официальную рекомендацию ей для выступления в Союз писателей России». А я очень-очень долго не считала себя достойной войти в наш Союз, решила только через 20 лет в 2018-м.

Очень благодарна Николаю Денисову, Михаилу Федосеевскому и Виталию Огородникову как старшим наставникам, оказавшим неоценимую помощь при подготовке книг к публикации. Их советы, а также рекомендации для выступления в Союз писателей России стали для меня ступенькой в большую литературу.

(из готовящейся книги)

Белле

*«Как это все темно, как бесполово.
Кто брат кому и кто кому сестра?
Всё всякому. Когда приходит слово.
Оно не знает дальнего родства».*

Б. Ахмадулина

*О, голос твой величественный, Белла,
Звучит во мне, лишь имя назову.
Приходит он во сне и наяву
Из тьмы, из запредельного предела.*

*Я помню этот звук, всешедший в слух
Из сердца репродуктора, как лучик.
Он томным был, надрынным и певучим,
И легким, словно белопенный пух.*

*Ты так давала волю для стихов.
Лезла «отверстными устами»
Слова, что были рождены слезами,
Чистом, оврагом, криком петухов,*

*Бессонницей, чернилами, умом –
Всем, что давало словосочетания,
И грустное «Черезухи скончавше»,
И полноты за твоим окном.*

*Я слушала тогда почти вразлб,
Тебя лишь выделяя среди прочих.
Невероятность нот и многоочный
Меня вертела в трепетный озноб.*

*О, как хотелось силой естества
Вот так же рифмы постигать и верить,
Что Слово сблизит нас, откроет двери –
«Оно не знает дальнего родства».*

*Теперь – все то ж. Я жду твоих щедрот,
Прислушиваясь к старой радиоле –
А вдруг шепнет на выдохе, на боли,
Твоею интонацией прожжет...*

Библиотека – книги, которые тебя окружают без ограничений

– Почти вся ваша жизнь связана с библиотеками, а ведь эта работа даже в советское время считалась скучной. А как вам? Хоть у вас даже есть «Хвала библиотечарям». «О женщина, хранительница книг!» – почти как жрица! И я тут готов подписаться под каждым словом... Берегиня слов!

– Еще на 5-м курсе филологического факультета ТюмГУ во время практики обиворужилось, что я не могу работать «голосом» – такая физиологическая особенность, хотя после диплома пришла на кафедру языковедения и один учебный год вела подготовительные курсы у болгар. А потом более 35 лет проработала в библиотеках города. Я нашла в этой профессии себя – это и книги, которые тебя окружают без ограничений, и читатели, которым можно рассказать о произведениях и их авторах, и творческие моменты – придумать выставку, составить сценарий мероприятия, разработать программу (как, например, культурно-просветительский проект «Литературный университет»), это, наконец, знакомство и общение с замечательными людьми и т.п. Я действительно чувствовала себя человеком, который хранит это неоспоримое книжное богатство! Поэтому и Гимн библиотечарям, поэтому и строка в одном из стихотворений «Весна ухадит, книги останутся!»

Легендарный «Верешок»

– Пожалуй, никто из писателей столько не работал с детьми, сколько Антонина Юрьевна. Почему, жертвуя своим творчеством, вы являлись за эту благородную работу? Есть у вас какие-то самые инте-

ресные воспоминания? Ну и, конечно, легендарный «Верешок»...

Общение с литературно одаренными детьми началось в пору моей работы заведующей детской библиотекой № 3. Когда прозвучали в радиоконкурсе «Песенки» стихи детей, мне захотелось собрать их для помощи в росте (очень жалею, что в моем детстве мне не встретился наставник, поэтому решила, что должна помогать начинающим). Так появился в 1997-м сначала поэтический клуб, а затем он перерос в авторскую студию «Верешок». Общение с детьми воспринимано, как маленькое чудо – удивляло их фантазии, узнаю новое вместе с ними, привязываюсь к каждому из них всей душой. И это насколько не мешает собственному творчеству, а порой даже подталкивает к новым образам и стихам.

О «Верешке» могу говорить много и долго – это отдельная тема для разговора. Дорожу своими ребятами, очень хочу, чтобы кто-то из них вошел в большую литературу, встал в наш писательский строй! С некоторыми из верешковцев общаюсь до сих пор и горжусь своими ставшими уже взрослыми воспитанниками, которые продолжают писать: Романом Попласким, Юлией Щербань, Еленой Блиндаревой, Ольгой Благиной и другими.

Сотрудничество с композитором

– Вы очень много работали с композитором Валерием Серебряниковым, целые мюзиклы и оперы. Кто был инициатором? И это снова работа с детьми...

– В этом творческом содружестве главная инициатива принадлежит Валерию Павловичу – это он увидел в моих стихах музыку. На сегодняшний день написано около ста лирических, патристических, детских песен на мои стихи. Их поют разные исполнители и коллективы как в Тюмени, так и за ее пределами. Это Валерий Павлович в 2013 году предложил поработать над мюзиклом по произведению А. Гайдара, а затем еще в пяти музыкальных спектаклях. Но моя роль невелика – я только автор текста, конечно, со своим собственным видением, с «проживанием» каждой роли, с воплощением образа в поэтическом виде. А все остальное – выбор произведения, поиск исполнителей и репетиции, составление сценария, обсуждение вставок, нюансы сценических образов и декораций и еще множество организационных моментов – это все в руках волшебника-композитора! Я прихожу на премьеру как почетный гость, волнуясь и переживая за каждую ноту и пропетое слово, горжусь, что все удалось наилучшим образом.

Работа над юбилейным сборником

– Насколько я знаю, у вас три авторских сборника стихов. Как они рождались? И, говорят, скоро будет готов юбилейный – юбилейный. Расскажите о нем, и давайте подарим читателям несколько стихотворений из этого нового сборника.

– Поэтических сборников у меня четыре, готовлю пятый. У каждого из них своя небольшая история. Например, при поиске средств на издание первой книги «Застенчивый рассвет» мои друзья отвезли рукопись заводоучастному предпринимателю А.А. Бауэру. Он, по рассказам, увидел на первой странице стихотворение с посвящением «Мужу», сразу согласился профинансировать тираж. Следующий сборник «Каждый лист у сентября сян» вышел в 2002 году благодаря выдвижению моей кандидатуры на конкурс «Культура XXI века». Третью книгу «Судьбы потаенная нить» (2014) я решила сделать не только поэтической, но и включила в нее эссе о моих замечательных предках, жизненная история каждого из них – повод для моего гордости и память моим детям и внукам. А сборник «Живу предчувствием весны» стал лауреатом конкурса «Книга года – 2019».

В сборник, над которым я работаю сейчас, войдут новые стихи, рожденные в последнее время. Кроме пейзажной и любовной лирики в нем будут стихи, посвященные СВО, а также мой первый переводческий опыт – тексты, написанные по подстрочникам сибирско-татарских поэтов Д. Галиевой, Х. Абайдуллиной, Г. Катаргуловой, Г. Калиевой, К. Кучковской, Д. Хабибуллиной. Этот процесс так увлек меня, что для каждой из них я переложила на русский по 2–3 стихотворения. Надеюсь, что не остановлюсь на этом.

Джасия Галиева

Мой родной дом

В перевождении Антонины Марковой

Когда застынут дальние болота,
Спешу дорогой зимней опять.
Родная деревенька там, в дремоте,
По мне давненько начала скучать.

Там, в Заболотье, дом стоит родимый.
Вдыхаю: Слава Господи, живой!
Дитя свое зовет гостеприимно
И двери растворяет предо мной.

И сразу свет в окошках заиграет,
Взойдет дымок веселый над трубой,
Горячий чай с мороза согревает,
И теплый дом дарует мне покой.

Сквозная тема моих стихов – тема природы. Чувствую себя маленькой песчинкой в этой огромной Вселенной. И все, что есть в ней, вдохновляет меня в первую очередь. Люблю выезжать на природу, путешествовать по нашей области и по стране, ездить на роднину – на Байкал. И наполнять душу красотой. Но и события жизни окружающей не оставляют равнодушной...

Умирающая деревня

А деревня – по павс в снегу,
В неисконном, девственно-белом,
Сыплет, сонная, старческим телом,
Коротая мороз и пургу.

Заключен родительский дом
В окружении дедовских яблонь,
И нутром ненаполненным зябнет,
И глядит сиротливо кругом.

Завалился поденивший забор.
Только стая с красной звездочкой-раной
Все сигналил, что здесь ветерана
Был когда-то ухаживный двор.

А теперь – только тощий дымок
Над избой одинокой старухи,
Да следы неминуемой разрухи,
Да отчаяния горький комок.

А теперь – только снег, только снег
На бесплодных, ничьих огородах.
Да глубинка в печалках-незаходах
Доживает оставшийся век.

Важно, чтобы читающему стало светлее, созвучнее

– Вы писали предисловие к книге Веры Худиковой. Там есть слова «Зажечь свою звезду». Так как зажечь свою звезду?

– Не задумывалась над этим в отношении себя. Всегда казалось, что это означает сделать что-то такое, чтобы другим рядом стало теплее, надежнее, спокойнее, увереннее. Такую звезду может зажечь каждый! А вот в творчестве все намного сложнее – это, пожалуй, не только найти особенные образы и слова, чтобы читающему стало светлее, созвучнее и, быть может, что-то понятнее в жизни, но и постоянно следить за тем, чтобы твой свет был чистым, не затененным завистью, ложью, предательством, чтобы он был высоким (но не высокомерным), сильным (но абсолютно бескорыстным), искренним и щедрым (чуть ли не ангельским).

Ангел

Сиреневые звезды
И месяц повисают,
С тобой совсем непростом,
Но я не одинок.

Ты обитаешь между
Создателем и мной.
Ты свет мой и надежда,
Мой Ангел неземной.

Ты там, где свет поющий
Рассыпался зерном.
Там музыка доющей
Я распахну окно.

Ты мне опять приснишься,
Преодолев зарю.
Мелодией несмышлю
Твой голос повторю.

Свеченье белых линий –
Ты за моих плечом.
И скажешь небесный шепот
Дыханье горячо.

В печали и невзгодах
Крылами обними
И вновь над непогодой
Меня приотними.

Зажги мою частичку
В Божественном ковше –
И благостно, и чисто
Израженной душе.

С думами о России, о Родине

– А я у вас люблю стихотворение «Я – русская»...

Я – русская

Я – русская,
Рябины у крыльца,
Ромашки вдоль тропы, ведущей к дому,
Берега в позолоченных венцах –
Черты к портрету моему простому.

Я – русская,
И небо возлюбя,
Крещусь на купала святого храма,
И правду сущую ишу упрямо,
И отпую последнее с себя.

Я – русская,
И может потому
Душа то болью мается, то плачет,
Лягушет и востанется незряче,
Понятная лишь Богу одному.

– Что-то изменилось в нашем понимании русскости ныне, да и в самих русских людях?

– В образе русского человека для меня ничего не меняется, да и не должно измениться – это впитано с молоком матери, это заложено где-то глубоко на генетическом уровне (хотя в радиологии намешано столько разных кровей!). Русский – это и мудрец, и «рубашка-парень», это великий труженик и стойкий защитник Родины, это некая дума-печаль о справедливости и счастье. Изменилось мое отношение к тем, кто, живя в России и считая себя русскими, вольно или невольно совершает такие дела и поступки, которые подрывают уважение к нашему русскому миру, искажают историю и убивают культуру. И если раньше это воспринималось не так остро, то теперь просто прожигает душу.

Белый померкший. Как опточно кеджеб слова,
Как сморзасты острые бумбы на глади листа!
Над сморзастыми звездами снова сверкает обнова,
Летевые конюше гласные – пар из рта.
Переставишь навою звезды, конаты, просторы.
Чистовик без памарок – на крыльях уползущих домок.
Белых пропихай тонких на окнах бликуют узоры.
И озутым каллиграфом очерченны ливы лесов.
Этот шаг у ливы так привычен и так уважен!
И аниаст акроний, и твояй джискемевый амб
Воздвигают ивеществом озонным, Северным Рилем,
Небослодом, что вылетел до хрупкости адры и оивб.

Этот померкший плытуют снова диктанта метелей,
Где в словах повязается кем-то утеривный ять.
И студенья вель фомари себерит на алове –
Снегопад намачается красной строкую опять.

Ветер плывет сеть праколады
Из байкальской глубины.
Тучи медленным парадом
Без помехи, без преграды
На восток устремлены.

Белой рыбиной свергают
Вам холодных гребешки,
Воду пробуют – каша?
И песок со дна лакают
Их живые языки.

По атласному прибою
Заповедных берегов
Оставляю за собою
Длинной мокрой чередой
Отпечатки от шагов.

Жадно слушаю, как бьется
В гальке звонкая вода.
И лягушет, и смеется
Сердце, зная что вернется
Обязательно сюда.

Да что о ней, о грусти, вдругорядь!
Прохли дожди, и листья облетели,
Осыртели звезды, стыннет гать,
И снежных туч решительная рать
Не движется по небу, сев на мели.

Все отгрустилось: крики журавлей,
И листопад, и мурчонный шепот,
И непогода, и ветер тевно-синий,
И библе лето в собственном бессонии,
Затупавшеесь средь топалей.

Да что о грусти снова, о тоске!
Отчувствовалось все и отболело.
Плывет шуга по выставшей реке,
Полощет кроны лес на свозняке,
И первый снег ведет в черновишке
Предлинные каракули несмело.

Тузаны по утрам глухонемы.
И в душу пробирается прохлада.
Но усталыи ковром дорожки сада,
И жар рябины утешает азглады,
И радует предчувствие зимы.

Маминя деревня

Деревенька улицей одной,
Материнский дом под тополями.
Небо зреет сочными полями,
И пава в полнеба шириной.

Паволенца белых облаков
Над высоким колокольным звоном,
Дилый лук лоповый на зеленом –
Старорусский цвет паловиков.

На погосте – старые кресты,
И покая вековая крыша.
Только здесь себя легко расслабить
Без притворства и без суеты.

Дремлет за овалцей стожки,
В озордах грядки пышилотели,
Черная смородина постела,
Лодки приотлились у реки,

Над жатыми калыцами дылов
Журналь калоденный возвышен...
Ты еще, на удивление, дышала,
Деревенька в несколько домов!

Беседавал Сергей КОЗЛОВ.

Фото предоставлено Сергеем КОЗЛОВИЧЕМ.

Автор неизвестен